

ФРАНЦИЯ-РОССИЯ: ДИАЛОГ НА ПОЛЕ КОНСЕРВАТИЗМА

БОРИС МЕЖУЕВ

главный редактор информационного
бюллетеня «Самопознание»

Франция для России — практически всегда законодатель интеллектуальной моды, причем моды преимущественно либеральной. Так повелось со времен XVIII в., когда русское образованное общество зачитывалось Вольтером и Дидро, с которыми вела оживленную переписку сама Екатерина II. Да и впоследствии консервативные идеи Россия предпочитала заимствовать у Германии, а в Париже русские интеллигенты преимущественно учились науке прогресса и революции. В середине XIX в. петербургские интеллектуалы открыли для себя позитивизм Огюста Конта как последнее слово европейской науки, а в конце века XX-го московский креативный класс нашел ответы на последние вопросы бытия в философском постмодернизме.

Между тем, страницы франко-русского интеллектуального диалога не исчерпываются опытом сближения двух стран на основе идей свободы, равенства и братства. Начать хотя бы с того, что основоположником российского консерватизма как идеологического течения был человек, писавший на французском языке и прославившийся своими памфлетами против Французской революции, — Жозеф де Местр. Мы не можем назвать его французом, поскольку большую часть жизни

он был подданным монарха иной страны, интересы которой он представлял в том числе в России, но он, безусловно, был человеком французской культуры, ощущавшим свою причастность к французской политической жизни. Казнь Людовика XVI стала для него моментом рождения в качестве политического мыслителя. И он сумел передать русским интеллектуалам эту консервативную антиреволюционную энергетику, которой

Россия вдохновлялась всю первую половину XIX столетия, пока предательство Австрии в ходе Крымской войны не привело ее к осознанию призрачности ее реакционного братства с германским миром.

Мы хотим поговорить в этом — шестом по счету — выпуске альманаха «Самопознание» об этих редких эпизодах франко-русского сближения на почве консер-

СТРАНИЦЫ ФРАНКО-РУССКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИАЛОГА НЕ ИСЧЕРПЫВАЮТСЯ ОПЫТОМ СБЛИЖЕНИЯ ДВУХ СТРАН НА ОСНОВЕ ИДЕЙ СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА И БРАТСТВА

ватизма. Рассказ о Жозефе де Местре и его влиянии на русскую философскую мысль занимает приоритетное место в нашей подборке материалов. Воздействие идей де Местра на Николая Бердяева отмечено самим автором «Философии неравенства» именно в этом его произведении и не нуждается в дополнительном обосновании. Сложнее с другим героем нашего альманаха — Владимиром Соловьевым. Он, безусловно, знал

работы де Местра, высказывался о них и, можно предположить, испытал его литературное влияние. Да, Вл. Соловьев был предельно критичен по отношению к де Местру, он не мог принять и разделить превознесение французским мыслителем роли «палача» в обществе, а также значение «предрассудков» в общественной жизни.

Отношение Вл. Соловьева к Франции и франко-русскому сближению было далеко не простым. В декабре 1893 г. он выступил в Париже с докладом «О действительных основах франко-русского соглашения», в котором приветствовал союз третьей республики и православной империи. Впоследствии его отношение и к этому союзу, и к охваченной жаждой националистического реванша Франции будет более настороженным. Вл. Соловьев видел в союзе с Францией отступление от чаемого им общеевропейского единства, в котором свое место должна была занять и Россия. Тем не менее, Франция была последней зарубежной страной, которую Вл. Соловьев посетил, охваченный

предчувствием близкой смерти, и где он стал писать то произведение, в котором собирался высказать свои самые «главные», самые заветные мысли.

Вл. Соловьев был прав в том, что искал для союза с Францией твердые метафизические, духовные основы, полагая единство на основе лишь общих внешнеполитических интересов, в конечном итоге, непрочным. И сегодня, размышляя о возможности в будущем нового франко-русского альянса, нам не следует, отталкиваясь от заветов консервативных мыслителей наших двух стран, избегать разговора о ценностных аспектах нашего единства. Если когда-нибудь в будущем возникнет ось Москва-Париж, пусть ее осенят имена не только дипломатов и военных, отчаянно трудившихся над формулировками договоров 1891 и 1893 гг., но и мыслителей и философов наших стран, искавших метафизические «основы» дружбы России и Франции, которые были бы самыми «действительными», потому что в то же самое время оказывались наиболее «разумными».